

НАТАЛИЯ КУДРЯВЦЕВА

ЭВРИДИКА

1916

16+

Наталия Кудрявцева

ЭВРИДИКА 1916

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кудрявцева Н.

ЭВРИДИКА 1916 / Н. Кудрявцева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ЭВРИДИКА, 1916 – первая часть романа-пазла. Двенадцать персонажей рассказывают историю Эвридики - машины, стимулирующей вдохновение. Действие происходит в Москве с 1916 го по 2086 годы.

Софья Веснина. Клятва на две жизни.

1

В редакции «Вестника Москвы» жизнь бурлила, как наваристый бульон. Здесь смешались стрекотание ремингтонов, сигаретное марево и одеколон «Мечта Славянки», которым главред Никита Ильич Хорошевич, по слухам, пропитывал стельки башмаков. Подходить ближе двух шагов к шефу решались только отчаянные и не похмельные сотрудники. Впрочем, сам Хорошевич дистанции не соблюдал, и в данный момент нависал над репортером-новостником, придавив несчастного к стене собственным животом.

– Нижняя восьмушка на первой свободна. Что будем печатать? Поздравления вашей матушке за воспитание бестолкового сына?

Репортер со смешной фамилией Сеница парировал вяло, экономя силы.

– Нет стоящих новостей, Никита Ильич. Благотворительная лотерея через день, на фронтах ничего нового...

Хорошевич швырнул на стол полицейскую сводку.

– А это? Недостойно вашего золотого пера?

– Какой-то пьяница устроил погром и сам себя подстрелил. Что тут интересного?

– Боже, да что ж у вас с профессиональной интуицией? Это же дом Нирнзее! И потом, нападавший известный музыкант. В прошлом... Как его... Маевский? Слышали?

– Не имел чести. И откровенно говоря, кухаркины слухи перемалывать... – проворчал Сеница.

Хорошевич не любил, когда его люди относились к работе с прохладцей.

– Что ж, насильно мил не будешь. И без вас способны развернуть... Мадемуазель Веснина!

Сеница хмыкнул недоверчиво.

– Библиосоня? Серьезно? Она вопросы-то способна задавать? Я, честно говоря, думал, что она немая...

В дверях возникла Софья Веснина, стажерка. Сеница прикусил язык, но возмущенное выражение лица оставил. Девушка работала в газете полгода, но многие до сих пор и не подозревали о ее существовании, поскольку все свободное время Веснина просиживала в публичной библиотеке, игнорируя главные плюсы репортера – бесплатный вход на мероприятия и застолья. И действительно, большая часть редакции не могла похвастаться тем, что перемолвилась с Весниной хотя бы парой слов. Однако Хорошевич к девушке благоволил, по крайней мере, когда надо было поставить на место зарвавшегося подчиненного...

– Сонечка, вот сводки полицейского отчета, ознакомьтесь...

Веснина послушно взяла листок и стала читать. По мере чтения ее розовые, по-детски округлые щеки залил румянец. Сеница усмехнулся.

– Сомневаюсь, что госпожа Веснина бывала в ресторациях. Для ее нравственного спокойствия...

– Я возьмусь – прошелестела Библиосоня.

– Похвальная смелость. Но это все же первая полоса...

– Новостной подвальчик, – так же тихо, но упрямо возразила девушка. – Я справлюсь.

– Вот видите, дорогой, есть и другие варианты, не только вас уламывать!

Удар достиг цели. Обиженный репортер направился к двери, снисходительно прошипев.

– Удачи, милочка!

Библиосоня втянула плечи. Хорошевич улыбнулся подбадривающе.

– Давай, детка. Не упusti свой шанс!

Подойдя к дому Нирнзее, Соня, не удержавшись, закинула голову, разглядывая знаменитый «тучерез». Дом не выглядел зловещим, скорей наоборот. Краска на фасаде свежая, леп-

нина не успела отпасть, а мозаичное панно с лебедями поблескивает аппетитно, словно глазурь на рождественском прянике. И все-таки именно об этом здании сплетничали регулярно. Кто-то видел призрачных людей, общающихся словно сквозь стеклянную стену, не раскрывая рта, кто-то слышал таинственные голоса. А плоская крыша, с которой открывался потрясающий вид, приглянулась самоубийцам. Газеты до сих пор не упускали случая повторить, что бедняга Карл Нирнзее, сын архитектора, шагнул в неизвестность, ведомый « таинственными голосами». Швейцар на всякий случай собрал мохнатые брови в единый ком и сурово кивнул Соне.

– Я хотела бы... по... подняться...

– Что?

Сонин голос, и без того тихий и тонкий, в самый неподходящий момент еще и ломался, как примадонна на бенефисе.

– Ежели просто подняться, то пяточок извольте. Платное приключение...

– Мне нужен ресторан «Крыша».

Вспыхнув румянцем, Соня вытащила журналистское удостоверение.

Швейцар ухмыльнулся в усы.

– Что, теперь и дети в газеты пишут? То-то чушь всякую читаем потом...

Коридоры в доме Нирнзее были устроены по гостиничному принципу. Двери квартир шли по обеим сторонам, на крышу вел дополнительный лестничный проем. С каждым шагом Соня все больше ощущала напряжение. Ноги дрожали, к горлу подступил ком.

– Ничего со мной там не случится! – решительно сказала Соня себе, толкнув тяжелую двухстворчатую дверь. Летом на крыше толпились влюбленные парочки, компании и фотографы-любители. Но и сейчас, в начале декабря, вид был поразительный. Солнечная, снежная, поблескивающая золотом куполов и клубящаяся паром дымоходов, лежала внизу Москва. Лошади, люди и автомобили двигались, словно на заводном макете. Звуки города слились в один доброжелательный гул; нежным звяканьем выделялся лишь звонок конки, бредущей где-то по Тверской.

– Что барышня желает?

Половой в белой рубахе, вышедший из ресторана, смотрел на Соню вопросительно. И опять пришлось показывать удостоверение.

– Проводите меня к администрации...

Метрдотель держался одновременно заискивающе и покровительственно. Его гладко выбритое лицо с масляными глазками удивительно напоминало блин, а живот подрагивал словно галантин.

– Заведение у нас приличное, так что уж постарайтесь, милочка, краски не сгущать. Потому и говорю, как есть, что скрывать нам нечего...

– Расскажите о нападавшем. – попросила Соня.

Зал, как и следовало ожидать, был пуст. Лишь пожилая уборщица, возила тряпкой возле педалей кабинетного рояля.

– Что рассказывать? Я с Аполлон Палычем на брудершафт не пил, себе дороже... И, между нами, если б я решение принимал, ноги б его здесь не было. Но начальство... Известный музыкант, имя, награды... Что эти награды, если публика недовольна?

– Как я поняла, Аполлон Маевский работал в вашем ресторане, а потом его уволили. Это могло спровоцировать инцидент?

– Так его еще в августе попросили, аккурат после того, как в клиента папкой запустил. Нет, поначалу-то он нравился, особо дамам. Звук, говорят, выразительный. И инструмент

дорогой. Но ведь играл-то, прости Господи, не пойми что! Заказов не терпел категорически. А публика хочет слышать что-то знакомое. Понимаю, личность творческая, да и к тому же...

Метр с намеком пощелкал себя пальцем по горлу. Соня кивнула и вписала что-то в блокнот, продолжая краем глаза наблюдать за эстрадой. Тетка-уборщица унесла ведро и вернулась с чистой тряпкой. Соня сжала ручку и судорожно сглотнула. Нет, она не сбежит. Она должна узнать всю информацию...

– Хорошо. Если у Маевского не было претензии к ресторану. Тогда к посетителям?

Метрдотель вздохнул.

– Вообще публика у нас приличная, огласки не любит...

– То есть вы знаете, кого конкретно пытался застрелить Маевский?

– Экая вы... шустрая! – погрозил пальцем метрдотель, явно не зная, может ли открыто хамить барышне в поношенной шубке. Пресса все-таки.

– Читателям все равно о ком сплетничать – тихо настаивала Соня. – либо они будут перемывать кости вашему заведению, которое и так натерпелось, либо потенциальной жертве.

Метрдотель вздохнул.

– Ну, напился Палыч, конечно. Но дыма-то без огня не бывает. В последнее время, говорят, он в науку ударился, вроде в каком-то эксперименте участвовал, и даже зарабатывал неплохо. Долги раздал... А когда пистолет-то навел, все кричал про машину адскую...

– Машину?

– Меня в зале не было. Кузьмич столик обслуживал...

– А кто был за столиком?

– Двое. Из благородных, чеком платили. Один вроде инвалид, без руки. Но он и остановил Палыча. Руку заломал, а тот сдуру курок и нажал. Ну, и сам себе бок прострелил...

– Раз платили чеком, значит, должна быть подпись. Вас не затруднит взглянуть?

Уборщица тем временем протерла пюпитр, сиденье рояля и подняла крышку. Пот побежал у Сони по спине.

– Слушайте, я ведь все равно выясню. В полицейском участке, у меня там связи!

Голос Сони от страха окреп и стал почти громким.

– Разница исключительно для вас и вашего ресторана. В одном случае вы выступаете нашим союзником, и разумеется, в статье это будет освещено подробнейшим образом, с выражением вам личной благодарности, а в другом...

– Может, и сохранился, посмотрю...

Метрдотель нехотя отправился на кухню. Соня же, оставшись одна, поднесла к лицу обе руки и оперлась на ладони, закрывая уши. Бесполезно, конечно; Волна проходила сквозь любые препятствия, поскольку резонировала со всем телом. Хотя бы в обморок не свалиться, а мигрень, ничего... Отлежусь дома...

А в зал вошли двое военных. Первый, в чине капитана, имел желтое, длинное и чуть ассиметричное лицо со скошенным вбок подбородком. Чем-то он напоминал нарисованный в детских книжках месяц. И выражение также было лимонно-кислое. Напротив, шедший следом усатый поручик с аппетитом втянул носом ресторанные запахи.

– Где старшОй?

Официант, инстинктивно почувствовав неприятности, пальцем указал на кухню. Поручик направился туда. А официанта поманили желтым пальцем. До Сони доносились обрывки фраз.

– Так мы сами заинтересованы, господин капитан... И даже и не думали... Марфа, иди уже!

Пожав плечами, уборщица покинула эстраду. Вернулся метрдотель. Его живот трясся сильнее.

– Мне жаль, но ничего сообщить больше не могу...

Опасливый взгляд в сторону желчного капитана говорил яснее слов.

– Но чек вы можете показать? Прошу...

Поколебавшись, метр быстро сунул листок, и почти сразу отобрал

– Все уже. Идите. Идите!

Соня успела увидеть росчерк, и вписанную сотрудником сверху графу: Расчетный счет № 1871. Л.С.Голицын.

– Что значит отменить подвал? Милая, вы шутите? Завтра новость будет во всех газетах. А мы...

– Все будут писать про дом Нирнзее или нравах современных музыкантов. А есть ракурс интересней.

Соня, не выдержав, отмахнула рукой дым, валящийся из трубки главреда, как из паровой трубы.

– Аполлон Маевский принимал участие в неких опытах. Очевидно, секретных, раз военные пытаются замять ситуацию. Я сопоставила фамилию на чеке со списком ученых Академии наук, Московского университета, Медицинской академии и... В общем, речь идет о Леониде Сергеевиче Голицыне. Ученый-энтузиаст, официально никакой должности в данных заведениях не занимает, званий не имеет, авторитетом у коллег не пользуется. Зато арендует аудиторию, состоящую из двух залов, в Московском университете, на кафедре физики. А Маевский, по словам очевидцев, упоминал об адской машине.

– Аристократ-создатель адской машины?

Хорошевич задумчиво поглаживал подбородок.

– Что ж, вперед. Но умоляю, милочка, прежде хорошенько изучите факты. Если он из тех самых Голицыных, и родственник губернатора.

– Излишне просить Библиосоню навестить библиотеку...

От улыбки на щеках Сони выступили вполне себе симпатичные ямочки. Хорошевич чуть не закашлялся. Вот никогда нельзя недооценивать тихонь!

В публичной библиотеке на Мясницкой Соня чувствовала себя как дома. К тому же постоянной посетительнице, чрезвычайно аккуратной в обращении с книгами, делали небольшие поблажки. А посему у мадемуазель Весниной было «свое» место в самом дальнем углу зала, куда редко заходили остальные посетители. И сейчас, наслаждаясь тишиной и покоем, она изучала единственную найденную статью Леонида Голицына, опубликованную в прошлом году в Popular Science. Соня скептически относилась к аристократам, решивших посвятить себя любому роду научной деятельности. Как правило, запаса знаний у них не хватало, зато самолюбования было с избытком. Вот и статью Голицына начала читать с внутренней усмешкой. И название дурацкое. Подобно Богам! Кого же он к Богам причисляет, интересно?

Уже сейчас известно, что доминантное полушарие мозга (обычно левое) отвечает за распознавание и понимание языка; среднесрочную и долгосрочную память и эмоциональное равновесие. А недоминантное полушарие (обычно правое) ответственно за распознавание выражения на лице, голосовой интонации, ритма, восприятия, создания и исполнения музыки.

В детском возрасте, когда нас обычно обучают – неважно, шахматам или игре на пианино, идет активное развитие мозговых полушарий. И заложенные в этот момент навыки могут кардинальным образом сместить акцент в развитии мозга конкретного индивидуума. Но почему тогда многие технически развитые музыканты не способны вызвать у слушателя пресловутых мурашек, бегущих по спине? И наоборот, бывают случаи, когда технически несовершенная игра вызывает неподражаемые эмоции у случайного свидетеля. Очевидно, все-таки

механизм вдохновения не связан напрямую с «техническим» развитием мозга, или, точнее, не совсем связан.

Однажды мне довелось увидеть мозг профессионального музыканта, при жизни обладавшего абсолютным слухом. Меня поразила ярко выраженная асимметрия в области задней части верхней височной извилины (центр Вернике), а также увеличение размера задних отделов левой верхней височной извилины (*planum temporale*).

Височную долю правого полушария называют также интерпретирующей корой. Пока нет документальных подтверждений, но, судя по опытам, проведенным швейцарским психиатром Берном, височные доли могут также отвечать за чувство сильной убежденности, внутреннее озарение и убежденность. И это перекликается с моим опросом профессиональных и любительских музыкантов, которые так или иначе всю жизнь борются с волнением сцены. Почему же музыкант так боится совершить ошибку? Ведь на репетициях он играет тот же пассаж безупречно.

Вопрос в неотвратимости времени. Когда данный момент записан на карте вечности, и ничто нельзя в буквальном смысле переиграть и исправить, уровень ответственности и, соответственно, стресса, начинает расти в геометрической прогрессии. На данный страх организм реагирует незамедлительно. У исполнителя может возникнуть понижение слуха, дрожь, обморочные состояния. Это первая стадия «сценобоязни», ее неизбежно проходят и новички, и профессионалы, от опыта зависит только длительность данного этапа. Чем больше опыт сценической деятельности, тем быстрее наступает адаптация. Сердечный ритм нормализуется; человек уже чувствует себя более-менее уверенно. А потом, как бы в награду за пережитое, некоторые испытывают эмоциональный подъем, доходящий до эйфории. Именно к этой, последней стадии, как правило, относится термин «вдохновение», именно ее ждут опытные исполнители, а для неопытных она подчас становится неожиданным подарком. На этой стадии человек выдает все, что может, и даже то, чего не ожидал, в него как будто «вселяется» некая сила.

По моему предположению, где-то в височной доле существует область, помогающая нам испытывать вдохновение. И возможно, эту зону возможно контролировать и стимулировать. А значит, в будущем мы, возможно, научимся выпадать из жесткой сетки времени и пространства, паря на крыльях вдохновения, подобно олимпийским Богам. И наша Эвридика никогда не спустится в ад...

Теперь, по крайней мере, понятно, что господин Голицын работает на стыке акустики и физиологии. Но никаких намеков на адские машины. Возможно, за прошедший год что-то кардинально изменилось. Или же Голицын изначально не планировал выносить на суд общественности суть своих исследований. Вот и проверим...

Открыв дверь аудитории, Соня прежде всего увидела щедро позолоченное солнцем стекло прибора, размером со средний комод. Слева, в углублении, закрытые латунной сеткой, светились триоды. Бакелитовые клювообразные ручки шли по периметру прибора, перемежаясь с десятками гнезд. Рядом, на столе, громоздилось другое устройство, больше всего напоминающее шлем. Со всех сторон торчали провода; на уроне лба виднелись реостаты и тумблеры. Дверь во вторую комнату была открыта, и оттуда несся разговор на повышенных тонах.

– Я всего лишь попросил отца замять эту историю.

– Тут не заминать, а разбираться надо! Если Аполлон Павлович на самом деле прав относительно Эвридики...

– Он спившийся неудачник, возможно, с психическими отклонениями

– Ты сам считал его гением...

– У Орфов такое сплошь и рядом. Их субъективные ощущения ничего не значат!

Из комнаты, неся связку проводов, вышел юноша в рубашке и черных брюках, какие носят студенты технических училищ. От локтя правой руки незнакомца начиналась невиданная конструкция, соединенная через переплетения ремней со здоровой рукой.

Кажется, одного из свидетелей она нашла. Но Соня невольно загляделась на диковинный протез. Обычно «косметические руки» делались из дерева, и кисти стремились сделать максимально приближенными к человеческой. Для рабочих и публики попроще напротив, изготавливали технические варианты, где устанавливался непосредственно инструмент, отвертка или плоскогубцы. Здесь же было ни то, ни другое. Металлические соединения точно повторяли анатомию пальцев и запястья, но в целом протез смотрелся жутковато, как рука скелета. В остальном тело незнакомца находилось в превосходной физической форме; сквозь ткань рубашки отчетливо проглядывали крепкие бицепсы.

– Прошу прощения, это не учебная, а исследовательская аудитория. . . . И на что вы пялитесь?

Соня собралась с духом, чтобы ответить твердо. Но горло опять сжалось, выдавая лишь невнятный шепот. Ну почему она такая мямля!

– Ваш протез алюминиевый?

– Дюралюминий. – пробурчал темноволосый. – Сплав алюминия и . . .

– Меди, магния и марганца – пискнула Соня. – Добавление дает прочность и вместе с тем упругость. Если я не путаю, фюзеляжи новых юнкерсов сделаны из него. . .

Широко расставив ноги, незнакомец изучал Соню. Густые темные волосы и синие глаза. Скуластое лицо кажется совсем юным, сошедшиеся на переносице брови придают ему скорее выражение обиженного ребенка, чем человека, имеющего большой жизненный опыт. В целом привлекателен, но словно специально ведет себя так, чтобы оттолкнуть.

– Вы с какого факультета?

С такими персонажами лучше проявить откровенность, хотя бы наполовину.

– Я Софья Веснина. Газета «Московский Вестник». Мне нужен Леонид Голицын. Это вы?

Незнакомец медленно, с явной издевкой покачал головой. Соня растерянно заморгала. На ее счастье из соседней комнаты вышел второй юноша, более щуплый, с выгоревшими почти до седины волосами и при этом на удивление смуглой кожей. Светло-серые глаза на фоне загара казались почти бесцветными. Подхватив Сонину руку, юноша вежливо, но вместе с тем бережно сжал ее.

– Леонид Голицын, к вашим услугам. А ваш собеседник – мой компаньон, Тимофей Шушин, инженер. Прошу извинить его за невежливость. Напряженный рабочий момент. . .

– Все в порядке. Ваша статья в Popular Science. Я бы хотела обсудить ее. . .

– Леня, когда ты опубликовал статью? Год назад? Не поздновато пришли?

Тимофей Шушин продолжал открытую конфронтацию. Голицын жестом остановил приятеля. Очевидно, в этой паре он выполняет роль миротворца. Но даже безупречные манеры не могут скрыть напряжения. Что ж, если вам есть что скрывать, ребята, значит, я пришла не зря. . .

– Я пишу в книжную и научную рубрику на четвертой полосе. Там важна не столько актуальность новости, сколько ее объективная ценность. И если вы не против ответить на несколько вопросов. . .

– Разумеется.

Кисть протеза Шушина нервно дернулась, повинувшись импульсу от здоровой руки.

– Тим, если не хочешь. . .

– Я хочу в первую очередь спокойно продолжать работу. И мне не нравится некоторое. . . совпадение.

– Совпадение с чем?

Соня попыталась придать взгляду максимальную наивность. Всем присутствующим ясно, что ее визит связан с ЧП в ресторане. Вот только признаются ли они в этом открыто?

Демонстративно бросив связку проводов на стол, Шушин прошел мимо Сони и вышел из аудитории.

Голицын вздохнул.

– Прошу извинить. Война сильно меняет характер.

– Ничего страшного, я понимаю.

Подозрения Сони все больше укреплялись. Но это странным образом придавало ей уверенности. Усевшись за стол, она достала блокнот и ручку.

– Кого вы называете Орфами?

Леонид Голицын усмехнулся.

– У вас хороший слух. В статье этого не было.

Соня пожала плечами.

– Извините, стала свидетелем разговора между вами и вашим компаньоном... Если не возражаете, попробую предположить. Согласно вашей статье, нечто вроде электромагнитного поля активизируется в мозгу исполнителя во время прилива вдохновения. Видимо, вам удалось замерить это поле. И, вспомнив легенду об Орфее, делаем вывод, что Орфы – это гении, обладающие или в полной мере использующие это поле. Я права?

– В целом да. Я использовал миф, назвал единицу замера Эвро. И да, некоторое количество людей обладает высоким эвропотенциалом...

Голицын улыбался, но напряжение из взгляда не уходило. Наверное, не стоило так сидеть. И Соня ответила максимально доверчивой улыбкой, показав ямочки на щеках, которые, согласно прочитанной в дамском журнале статье, способны деморализовать мужчин.

– Простите, у меня хорошая память, но с анализом беда. Поэтому так нужны ваши объяснения... Так вот, Орфы... Они ведь, наверное, все люди известные?

– Скорее наоборот. Слава и признание достаются упорным и пробивным, либо обладающим талантом продать себя подороже. А Орфы либо слишком мягки, либо слишком неуживчивы, поэтому их потенциал остается незамеченным широкой публикой. Но любой слушатель отметит чувство подлинности и силы воздействия от плодов их творческой деятельности.

– Гении, но не признанные? Но как же вы их находите?

Голицын в процессе разговора стал разматывать провода, которые оставил его несговорчивый компаньон.

– С этим главная проблема. Но если такой человек попал в поле зрения, я могу его заметить....

– А я могу попробовать? Или это... опасно?

Оставив провода, Голицын взглянул на Соню. Разумеется, он по-прежнему ее подозревает. И Соня снова заулыбалась.

– Знаете, когда речь идет о чем-то, что нельзя потрогать, но при этом оно оказывает влияние на организм, волей-неволей начинаешь беспокоиться. Согласитесь, если бы мадам Кюри с самого начала знала о возможных последствиях... Но ведь ваши исследования не настолько рискованны, правда? По крайней мере, здесь нет радиации?

Помолчав, Голицын тряхнул головой.

– Хорошо. Давайте попробуем...

Та самая комната, из которой Соня слышала спор, по размерам была куда меньше основной аудитории, но с очень высоким потолком, что делало ее похожей на колодец.

Посреди, занимая пространство почти целиком, располагалось сооружение высотой около трех метров. Чем-то оно напомнило Соне пасть гигантской рыбы. Натянутая частая сетка струн сочеталась с молочно-белыми ромбами, покрывающими конструкцию наподобие чешуи.

– Это и есть ваш эврометр?

– Скорей, его логическое продолжение...

Голицын внес уже распутанные провода и шлем.

– Раз эвропотенциал можно замерить, значит, можно попробовать его усилить, подобно тому, как рупор усиливает звук голоса. И возможно, одаренный человек, постоянно работающий в Эвридике, сможет усилить свои способности до гениальности...

– Вы назвали ее Эвридикой? Как мило... Значит, по-вашему, возлюбленная Орфея – машина?

– Скорей все-таки энергия. Прошу...

Только сейчас Соня заметила небольшую дверцу сбоку конструкции. Точь-в-точь волшебная дверца из сказки про Алису

– К сожалению, внутри пока тесновато. Все, что можно позволить в рамках независимого исследования...

Чтобы зайти в машину, Соне пришлось наклонить голову. Внутри было тепло и очень сухо. Таинственный жемчужный свет ложился узором, повторяющим ромбическую сетку. Голицын протянул Соне шлем. И встал вплотную, закрепляя провода. Никогда раньше мужчины не подходили к Соне настолько близко; даже Хорошевич интуитивно держал дистанцию. И дело было вовсе не Сониной скромности. Скорее, представители сильного пола интуитивно чувствовали отсутствие взаимного интереса. А нарушать границы приятно, лишь когда их охраняют. Соня же искренне не понимала смущения, которое должна испытывать при мужском взгляде или физическом прикосновении. Вот и сейчас она чувствовала аромат дорогого мужского одеколona Голицына, скосив глаза, видела узор на шелковом галстуке. Прохладные пальцы касались ее волос, дыхание ощущалось сзади на шее, но все это было не более чем легкой щекоткой. Пожалуй, накал страстей в романах сильно преувеличен, в очередной раз констатировала она мысленно.

– Технически готово. Теперь посмотрите туда. На пульте есть лампочка и наушник. Если понадобится помощь, сможете поговорить со мной. Я сейчас выйду и пойду за центральный пульт. И когда лампочка загорится, можно будет начать.

– Начать что?

Голицын пожал плечами.

– Поскольку музыкальных инструментов здесь нет, а вы явно их не принесли, вам придется спеть.

Соня сглотнула испуганно. К такому она совсем не была готова.

– Если переживаете за слух или тембр, не волнуйтесь. Резонаторы усиливают только звуки внутри, снаружи не будет слышно. Эвридика стимулирует работу вашего мозга, а вовсе не ваш звуковой диапазон или силу связок. Хотя зачастую одно от другого зависит. Смотрите за лампочкой!

Еще раз вежливо кивнув, Голицын вышел. Соня охотно выскочила бы следом. Но теперь, в этом дурацком шлеме, опутанная проводами, она была беспомощней мухи в паутине. Может, просто промолчать? – мелькнула трусливая мысль. Но тогда Голицын точно потеряет к ней доверие. И она так не узнает, что заставило Аполлона Маевского сойти с ума!

Лампочка мигнула.

В Сониной голове были собраны и разложены по аккуратным полочкам сотни разнообразных цифр. Для кого-то эти факты были неинтересны; но для Сони они и составляли суть мира. И сейчас она судорожно цеплялась за надежные, объективные сведения, которые можно просто произнести нараспев. Например, длина крупнейших рек мира. И Соня забормотала, как могла, ритмично.

Амазонка – семь тысяч сто...

Нил – шесть тысяч семьдесят...
Хуанхэ – пять тысяч пятьсот километров
Обь и Иртыш – пять тысяч четыреста десять....

Наверное, как-то так проходят церковные песнопения. Но не успела Соня мысленно улыбнуться, как пришла Волна.

В лучшем случае ее ждет жгучая боль в висках и тошнота. Но в жемчужной раковине Эвридики звуки отражались и множились, словно в лабиринте. Соня словно налетела на невидимый забор. Из последних сил подняв руки, попыталась сдернуть шлем, хотя знала, что это не поможет. Волна, словно стая черных жужжащих мух, заслонила свет, изолировав от остального мира. И никто в мире не мог не только помочь, но даже понять, что происходит...

Соня пришла в себя на кушетке. Испуганный Голицын протягивал ей ватку со спиртом.
– Простите, за неимением нашатыря... Позвать врача?
Соня лишь мотнула головой как лошадь.
– В таком случае хотя бы найду извозчика.

Голицын покинул аудиторию. Самое время поискать что-то компрометирующее. Вот только в носу, во лбу и ушах скопилась туча черной обжигающей пыли. Возможно, ей удастся передвигаться крохотными шажками, на манер японских гейш, чтобы минимизировать вспышки боли в голове. К моменту возвращения Голицына Соня только и сумела, что доползти половину расстояния до стола. Вот тебе и журналистское расследование...

Когда Соня доползла до квартиры, уже стемнело. Гостиная и крохотная кухонька были темны, но из спальни матери пробивался свет. Все еще стараясь идти плавно и медленно, чтобы не потревожить только-только начавшую утихать боль, Соня направилась туда.

– Мама?

Ксения Веснина стояла на коленях и сосредоточенно что-то искала под кроватью. При виде дочери она поспешно вскочила на ноги. Сквозь остаточную муть Соня видела лицо матери, все еще очень красивое, наполненное чувственностью, но белое, видимо, от усталости. В последнее время мать начала сниматься в какой-то фантастической фильме, и очевидно, съемки отнимали много сил.

– Что-то потеряла?

– Не говори глупостей!

Ксения уже раздраженно рылась в аптечке.

– Голова болит? – осторожно поинтересовалась Соня. – Как дела на съемках?

– Как обычно. Как лошадь в цирке, пашешь за морковку.... Ничего интересного.

Соня осторожно опустилась на диван. Сил для серьезного разговора не было. Но утром Ксения опять убежит на съемки, и...

– Ты уже слышала об отце?

Ксения дернула плечом.

– Рано или поздно чем-то таким должно было закончиться, Не бери в голову. Чем меньше будешь во все это влезать, тем...

– Я пишу о нем статью.

Ксения, наконец, отвлеклась от аптечки. Ее большие глаза еще больше расширились.

– Зачем?!

– Хочу точно понять, что произошло.

– Он сошел с ума. Что еще?

Резкая небрежность ответа матери стала последней каплей. Слезы обожгли глаза. Соня выбежала из комнаты.

– Софья?

Но Соня уже задвинула щеколду ванной изнутри. Сев на край пожелтевшей ванной, включила воду и заплакала, стараясь не трясти головой.

– Соня, не дури... Даже если у отца болезнь, она никак с тобой не связана. Слышишь?

Мать явно испугалась своего порыва и решила проявить немного заботы. Но Соня зажала уши руками. Она и так знает, что с ней все в порядке, никакой плохой наследственности. И в больницу она больше не попадет.

Никогда!

2

Дом, где Веснины снимали квартиру, выходил на оживленную улицу. И все же явление автомобиля, да еще в разгар зимы, по-прежнему было аттракционом, на который сбегались зеваки. Сама Соня, грешным делом, любила полюбоваться на шикарные авто. Вот и сейчас, заслышав клаксон и шуршание под окном, бросила примус с варящимся кофе и подбежала к окну.

Под окном парковалось чудо. Кузов сливочного цвета, хромированные покрышки и литая крыша. На передние колеса надеты лыжи, а сзади гусеницы, как у танка. Из машины вышел человек в кожаной куртке на меху и барашковой шапке. Он поднял голову, задумчиво разглядывая окна, а Соня отпрянула за штору. Какого черта Леонид Голицын делает в ее дворе?!

– Ты кофе варишь или жарешь?

Ксения в последний момент подхватила закипающую турку. Соня, осознав, что стоит босая, в ночной рубашке, с нечесаными волосами, кинулась приводить себя в порядок. Хорошо, что у матери была хорошая реакция. Ксения моментально отшагнула назад, во второй раз спасая напиток.

– Да что случилось?

– Мама, можно надеть твой беличий полушубок? Пожалуйста...

Когда Соня, в материнской серой белке, вышла из подъезда, местная детвора водила вокруг машины хороводы, а Голицын все еще задумчиво изучал окна. У Сони душа ушла в пятки. Без весомой причины искать ее по всей Москве незачем. Неужели он догадался о ее истинных намерениях? Но почему тогда так искренне улыбается?

– Это вы... Какая удача!

Покраснев от радости, Голицын даже шапку с головы стащил.

– Адрес я выяснил, но номер квартиры не записал и как раз раздумывал, каким бы образом понять...

– Вам повезло, что я вовремя подошла к окну. – осторожно улыбнулась Соня в ответ. – Не могла пропустить такую красивую машину.

– Да, машина великолепная. Тимофей сконструировал. Для наших зим самое то.

Голицын смущенно замаялся.

– Простите за непрошенный визит. Пришлось задействовать кое-какие связи, чтобы вас найти. Отец Тима, генерал Шушин, занимает важную должность в военном ведомстве...

Теперь ясно, откуда в ресторане «Крыша» взялись военные. И все-таки зачем было предпринимать такие усилия по ее поиску?

– Эклеры любите?

До Сони не сразу дошел смысл последней фразы.

– Я еще не завтракал. Составите компанию?

В кондитерской Эйнема официант откупорил бутылку шампанского и наполнил тонкий бокал. Тут же на большом блюде располагались восхитительные эклеры и птифуры. Таких роскошных завтраков в Сониной жизни еще не было. Ксения дочь держала в строгости и уж точно не позволила бы с утра пить французский брют. Поэтому Соня одним махом осушила бокал. А пальцы Голицына совершили едва уловимое движение, пробежав от мизинца до указательного, словно у пианиста, исполняющего пассаж.

– Вчерашний опыт... До этого мне не попадались люди с нулевым потенциалом...

Шампанское теплой волной разлилось по телу, и Соня смогла вполне непринужденно улыбнуться.

– Я действительно полный ноль?

– Это вовсе не плохо, поверьте! – поспешно парировал Голицын. – Но, чтобы исключить техническую ошибку, необходим повторный эксперимент...

К горлу подкатила тошнота. Голова закончила болеть только под утро, и к повторению Соня совсем не была готова.

– Нет. Не могу... Извините.

Голицын кивнул, не настаивая.

– У вас всегда такая реакция на музыку?

Соня пожала плечами.

– Не знаю. Стараюсь с ней не соприкоснуться.

– Вы не посещаете театр, синема, оперу?

Соня помотала головой.

– Праздники? Балы?

Соню этот застенчивый допрос начал бесить.

– Не хожу. И на балет тоже. И в цирк. И в рестораны. И в церковь. И представьте, не чувствую себя ущемленной!

– Я не хотел вас обидеть... – окончательно смутился Голицын. – Просто... Долгое время я сам был равнодушен к музыке. То есть, конечно, учился играть на рояле, посещал концерты. Но там либо мысленно играл в шахматы, либо придумывал палиндромы. А потом познакомился с Тимофеем...

Голицын кивнул подошедшему официанту, тот снова наполнил Сонин бокал. Пузырьки весело побежали вверх по запотевшему хрусталу.

– Тим, кстати, тоже имеет очень низкий европоказатель, но при этом я не знаю человека с лучшим музыкальным вкусом. Так что не все так просто с классификацией, и уже тем более нельзя ставить одних ниже других только исходя из замеров эвро.

Соня невольно улыбнулась.

– В мире музыки все должны быть равны. Вы случаем не марксист?

Голицын опять покраснел. Немного надо, чтобы вывести его из равновесия.

– Я все-таки полагаю, что, возможно, дело в качестве самой музыки... Если вы услышите исполнителя высокого уровня, возможно, ощущения будут другими. Обещаю, если будет некомфортно, мы уйдем...

Серые глаза смотрели умоляюще. Похоже, это и правда для него важно.

– Рискну.

И Соня залпом выпила замечательный ледяной брют до дна.

Хорошевич ходил по кабинету взад-вперед, что означало, что к разговору он относится с достаточной важностью.

– Я навела справки. Отец компаньона Голицына, Тимофея Шушина, генерал Василий Шушин, занимается секретными военными разработками, кажется, в области медицины...

– Кажется?

– На то они и секретные, что точно ничего не известно. Но если это поможет материалу, я выясню точней.

Шампанское придало Соне смелости. Щеки порозовели, вьющиеся прядки выбились из косы. Не сбавляя шага, главред прищурился одобрительно, явно осознавая перемену в тихой библиотечной мышке. Но тут в кабинет заглянул репортер Сеница, и Хорошевич не упустил момента воткнуть шпильку.

– Видите, мадемуазель Веснина фактически кроит нам сенсацию из материала, который вы сочли неинтересным!

– Цыплят по осени считают – буркнул Сеница, хмуро кивая Соне, и кладя на стол заготовку статьи.

– По поводу благотворительного бала...

Хорошевич пробежал глазами поданный листок.

– Пресновато, батенька. Даже для столь немаловажного события. Где драматургия? Интриги, тайны? Так у нас тираж обнулится. Работайте!

Сеница вышел, явно борясь с желанием хлопнуть дверью.

– Зависть сильнейший стимул для профессионального развития, – не без удовольствия сообщил Хорошевич. – Так во сколько вы идете на свидание?

– Это не свидание, а эксперимент... – поправила Соня.

– Вся наша жизнь эксперимент, детка... Кстати, я тоже навел кое какие справки. Ваш Голицын натуральный князь, сын Сергея Голицына, недавно почившего. Так что добыча крупная. Я бы на вашем месте хотя бы губы подкрасил... Все, молчу!

Хорошевич замахал руками в немом благословлении.

В половине седьмого Голицын подвез Соню к богатому особняку на Пречистенке. Важный швейцар отнес беличью шубку в гардеробную, где висели сплошь соболя и котиковые манто. В огромном венецианском зеркале Соня увидела свое отражение. Насколько же убогой, наверное, выглядит ее чистенькая, но уже не раз стиранная блузка в сочетании со скромной юбкой, перешитой из материнной. Голицын словно почувствовав Сонино смущение, крепко взял под локоть

– Ничего не бойтесь. Здесь вам будут рады...

По витой лестнице они поднялись в зал, который, очевидно, совмещал функции балльного и концертного. Посреди стоял странный инструмент, очевидно, переделанный из рояля, поскольку сохранил корпус, педали, клавиатуру и другие узнаваемые приметы. Но были и отличия. Самым заметным являлся полукруг диаметром не менее метра, окрашенный в ярко-алый цвет и фактически заменяющий собой часть поднятой крышки.

Вокруг инструмента стояло не менее полусотни кресел, большинство которых было уже занято зрителями. То там, то здесь вспыхивали огоньки бриллиантов, блестели белоснежные улыбки – результат работы дорогих дантистов. Голицына узнавали, ему кивали, дамы улыбались, но никто не произносил ни звука. В зале стояла тишина, прерываемая лишь шелестом материи и программ.

– Пойдемте, я покажу вам инструмент...

Подойдя к «роялю», Леонид откинул крышку. Вместо струн Соня увидела переплетения проводов, опутавших лежащую в центре металлическую коробку.

– Радиоисточник будет передавать звук.

– А что, обычный рояль не подходит?

– Мы на концерте общества внеслуховой музыки, – мягко пояснил Голицын. – Все эти люди, к сожалению, не способны ее услышать.

Соня покраснела. Какая же она дура! Конечно, их окружали глухонемые! Теперь Соня видела, что публика активно общается при помощи жестов.

Грузный господин во фраке, с багровым лицом, от которого отчетливо несло алкогольными ароматами самого разного возраста хлопнул Голицына по плечу.

– Батенька, Леонид Сергеевич, какая честь! А что за красавица рядом с вами?

Это был первый говорящий. И, несмотря на фамильярный тон, Соня чувствовала, что ее отнюдь не желают обидеть. Наоборот, пытаются поделиться радостью от переставшей, наконец, трещать с похмелья головы. Однако хорошо воспитанный Голицын как бы невзначай заслонил Соню от посторонних запахов и чрезмерно близкого общества подошедшего. При этом князь сохранил дружелюбный тон; сам он явно симпатизировал багроволицему господину.

– Позвольте вам представить. Павел Вяхирев, пианист. Он сегодня будет играть. А это Софья. Моя помощница.

– Очень приятно, – кивнула Соня.

Пианист отвесил почти клоунский, но опять же, искренний поклон.

– Надеюсь, вам понравится. Даже при наличии слуха ощущения могут быть весьма интересными...

Голицын повел Соню к свободным креслам. На каждом лежала металлическая пластина размером со средний блокнот. Тонкий проводок уходил от нее внутрь стоящего впереди кресла.

– Вибропластина с помощью радиосигнала будет переводить звуковые волны в спектр ощущений. Плюс использована вибрация самого помещения, и в первую очередь, пола...

Леонид кивнул на дальний угол зала. Соня уже второй раз за вечер обругала себя за невнимательность. Погруженная в собственные страхи, она не заметила еще одной вопиющей странности. В углу, под присмотром лакея в расшитой золотом ливрее, стоял стеллаж, на котором аккуратными рядами выстроилась обувь. Дорогие дамские туфельки – такими Соня могла лишь любоваться в витрине Мюр и Мерилиз – перемежались с сапогами и ботинками на меху. Из-под вечерних дорогуших платьев зрительниц выглядывали ноги в шелковых чулках; мужчины так же щеголяли исподним. А на ее чулке, возможно, есть дырочка, которую она не успела залатать в суматохе предыдущего дня!

– Мне... тоже нужно снять обувь?

– Необязательно, как и мне – улыбнулся Леонид – Тактильно практически любой человек различает потоки вибраций в диапазоне от 100 до 400 герц, соответствующие музыкальным полутонам. У тех, кто не лишен слуха, эти ощущения сливаются. Ну, а глухие люди вынуждены развивать свою чувствительность. Для полноты ощущений используются также цветовые ассоциации. Каждой ноте соответствует свой оттенок на цветовом круге. Вы увидите...

Свет в зале стал меркнуть. А над роялем, напротив, вспыхнула одинокая люстра.

Краснолицый пианист снова появился в центре и раскланялся. Глухие аплодировали изо всех сил. Кто-то уже улыбался, заранее предвкушая удовольствие. Ладони же Сони похолодели и взмокли. Она вцепилась в ручки кресла, так не осмелившись дотронуться до пластины. Голицын сам вложил устройство в ее руки.

– Не волнуйтесь. У Вяхирева высокий потенциал. Если моя версия верна, у вас не будет дурных ощущений... Просто поместите пальцы сверху...

Вяхирев, залихватски отбросив полы фрака, сел на банкетку перед роялем. Аплодисменты стихли. Руки всех присутствующих опустились на пластины. А Вяхирев, залихватски щелкнув костяшками пальцев, взмахнул кистями и с силой опустил их на клавиши. И сразу круг над роялем раскололся на разноцветные сектора, очевидно, символизируя первый аккорд. Пластина под пальцами ожила. Преодолев соблазн отбросить ее, Соня судорожно сжалась, ожидая худшего. Цветовой круг мелькал все быстрее. Пальцы шекотало дрожание. А потом появился запах. Смесь нагретой солнцем хвои и аромата неведомых трав. Соне словно повеял в лицо мягкий ветер. И в тот же миг перед глазами встала белая колонна. За ней еще одна. И еще...

Белоснежные столбы уходили высоко в выгоревшее от постоянного солнцепека небо. Эти места совсем не знали влаги, по крайней мере, летом. Лишь тень сосен и кипарисов спасала посетителей, отважившихся взойти по длинным лестницам. Да, теперь Соня отчетливо видела мраморные ступени на горе. Сколько же ног здесь ступало! Люди преодолевали усталость, жажду и жару ради чего-то важного, необходимого им больше, чем вода или сон...

А вот другой пейзаж. Зеленый, ликующий, наполненный влагой от недавней грозы. Соня словно бежала по мокрому лугу, травинки щекотали ноги, и от земли тянуло влажным июльским теплом. А еще вокруг кружились люди. Их было много, и они двигались синхронно, словно детали механизма, создавая удивительный ритм, пробуждающий жизнь.

Тут пианист, очевидно, взял последний аккорд. Публика аплодировала бурно. Лица у присутствующих светились искренним, неподдельным удовольствием. Кто-то из дам повернулся к Леониду Голицыну. И вот уже вся толпа, включая пианиста, улыбается и аплодирует именно Сониному спутнику. Голицын заметно покраснел в ответ на вопросительный взгляд Сони

– Эта машина... Просто.. это я ее разработал...

К ним уже спешил Вяхирев.

– Голубчик, на ужин-то останетесь? И вы, мадемуазель...

Но Голицын замахал руками.

– В другой раз... Удачи во втором отделении!

В машине какое-то время молчали. Голицын начал первым.

– Не огорчились, что мы не остались?

– Нет. Впечатлений было в самый раз – откликнулась Соня.

Голицын кивнул, с явным облегчением.

– И как вы себя чувствовали?

– Неплохо.

– Я рад. А... что-то конкретное ощутили?

– Мраморные колонны.

Глаза Голицына сквозь зеркальце уставились на Соню с неподдельным изумлением.

– Когда именно?

– В самом начале... Я словно очутилась в некоем святилище, судя по колоннам, древнегреческом...

– А ощущения от последней части? Были ассоциации?

– Мокрая трава. Холмы. Да, это были холмы. И танец...

– Нет, вы меня разыгрываете. Признайтесь, вы видели программу?

Соня вспыхнула.

– Я в музыке не разбираюсь, так что в любом случае от моих знаний было бы немного толка. И вообще, если вы мне не доверяете...

Соня показательно отвернулась к окну. Внутри все кипело от обиды. Он даже не представляет, насколько неприятным мог стать этот опыт. Впрочем, о чем говорить, сытый голодного не разумеет...

– Простите, просто... Сегодня играли Дебюсси, номера из 24 прелюдий. Название первой пьесы – Дельфийские танцовщицы. А последняя – Холмы Анакапри. Теперь, надеюсь, понимаете?

Голицын нервно пробежал пальцами по рулю.

– И кстати, крайне интересно, что вы упомянули кружащихся людей... Финальная часть пьесы написана в ритме тарантеллы. Знаете легенду об этом танце? В Европе время от времени случались странные вспышки, что-то типа психической эпидемии. Люди впадали в глубокое оцепенение. Кожа твердела, а мускулы оставались мягкими, можно было придать любую позу.

При этом больные не ели, не двигались, по сути находились между жизнью и смертью. Так вот, по преданиям, именно тарантелла заставляла больных вначале пускаться в пляс, а потом постепенно выводила обратно к реальности...

– А причина оцепенения неизвестна?

– Считается, что это следствие укуса тарантула. Но на самом деле странно, что в одно и то же время в городе появлялось столь агрессивных пауков.

– А если на них музыка повлияла?

– В каком смысле?

Соня замолчала. Похоже, она и так уже лягнула лишнего. Голицын задумался.

– Конечно, пока очень мало известно о влиянии ритма и тонированных комбинаций на различные зоны мозга. И трансовые состояния шаманов, орфических жрецов, безусловно, могут возникать и под воздействием музыки. Но все это пока лишь теории. В любом случае, ваши ощущения проникли в самую суть композиции. И я был бы счастлив, если бы вы согласились на еще одну проверку. Я познакомлю вас с настоящим Орфом – человеком, обладающим высоким потенциалом. Вы не пожалеете, прошу!

В глазах Голицына горело такое искреннее восхищение, что Соня оторопела. Никогда до этого момента она не была для кого-то столь значимой. И потом, надо же закончить статью...

На следующий день, в половине десятого, Соня вошла в уже знакомую аудиторию, мысленно настроившись на работу с музыкантом в духе Вяхирева – пьющим, но безобидным балагуром. Однако Голицын кивнул на стоящего у окна мальчика лет десяти.

– Познакомьтесь, Софья, это Иван Пегов. Он показал прекрасный результат на эврометре, но в Эвридике пока не работал.

Мальчик пожал протянутую Соней руку важно, как взрослый. Одет он был как крестьянин, в подпоясанную ремешком рубашку. Но сапоги и штаны по размеру и даже фасонистые, а руки изнежены и мягки, как будто и не знал физической работы. Может, из купеческих? Да и внешность удивительная. Густые ресницы, волосы до плеч, как у девочки, а глаза темные, как вишни, и доверчивые.

– Проводите его? Я пока подключу пульт...

Они вошли в комнату с машиной, и мальчик остановился, совсем по-детски вцепившись в Сонину руку.

– Кашалот... Который Иону проглотил!

Соня улыбнулась.

– Я тоже сразу про рыбу подумала.

Ладонь Ивана была горячей и влажной. Соня осторожно выпустила свою руку и присела перед мальчиком на колени.

– Кашалот на самом деле не может съесть человека. Ты это знаешь?

Мальчик молчал, явно не веря.

– Видишь струны? У кашалота тоже вся пасть забита похожими. Поэтому он только планктоном питается. Даже маленькая рыбка не может пролезть.

– А Иона...

– Иону какой-то другой вид съел. Может, вообще не кит, а белая акула. Или касатка. Можем сходить в библиотеку или в дарвиновский музей, я тебе ее покажу.

Иван скептически посмотрел на Соню. Но страх немного отступил, Соня это чувствовала.

– Если хочешь, можем попробовать остаться здесь вдвоем.

– Не. Вдвоем совсем тесно будет, – разумно возразил Иван.

Вошел Голицын. Соня повернулась к нему.

– Мы готовы. Что мне нужно делать?

Все утро Соня морально готовилась к предстоящему испытанию. Но когда Голицын надел на нее уже знакомый шлем, а мальчик скрылся в жемчужной раковине, вернулась тревога.

– Ничего не слышно. Может, ему нехорошо?

– В камере почти идеальная звукоизоляция, вы же помните... – пробормотал следящий за датчиками Голицын. – И ваш динамик выключен, для чистоты эксперимента. Но вы с Иваном фактически являетесь сообщающимися сосудами. Стимуляция его зон мозга резонирует с вашими. Поэтому эффект взаимопроникновения...

В голове начало шуметь. Перед глазами поплыли мушки, светлые стены аудитории раскололись сетью трещин. Вспомнилось больница. Единственное средство – проводить бесконечно пальцем по расколу на штукатурке, словно пытаюсь отыскать там единственный коридор, уводящий от боли. Соня шагнула по направлению к Эвридике, но Голицын ухватил ее за запястье.

– Нет-нет! Софья, пожалуйста, присядьте. Вы же подключены.

В этот момент в грудь ударила Волна, горячая и горькая. Из глаз брызнули слезы. Но одновременно ушел последний страх и сомнение. Впервые Соня осознала, что жизни в ней до этого момента было не больше, чем в бумажной розе, которыми на свадьбах украшают лошадиные гривы. В солнечном сплетении словно пробили дыру, но эта боль оживляла. А рядом, в унисон, горело и дышало еще одно существо. Им суждено было вместе стать пеплом и землей, возродиться, расцвести, переплетаясь, дать плоды и снова умереть. Этот союз не по силам было разорвать ни времени, ни смерти. Соня задохнулась от счастья обретения. И тут пылающее небо расколосось, а в уши ворвался голос.

– Я смотрю, вы времени даром не теряете...

Тимофей Шушин, скрестив руки, наблюдал за процессом. Судя по ядовитой усмешке, он уже какое-то время находился в аудитории. Да и черт с ним! Дрожащими руками Соня стянула шлем.

– Я выведу мальчика...

Внутри Эвридики Соня осторожно освободила Ивана от шлема и проводов.

– Все в порядке?

Иван вяло кивнул. Желания расспрашивать не было, хватило бы сил переварить собственные впечатления. Передав мальчика строгой женщине в белом платке, Соня некоторое время стояла у окна в коридоре, пытаясь дождаться, пока пунцовый румянец сойдет с щек. Когда же, наконец, она вернулась в аудиторию, Шушин с Голицыным продолжали спорить.

– ...по сравнению с одиночным замером показателя Пегова выросли почти на 15%. Возможно эта девушка – идеальный эталон, нулевая отметка, которая стимулирует резонанс...

– Или полный шлак. Она же музыку ненавидит!

Голос Шушина звучал нарочито сухо, словно ему было неприятно восторженное состояние Леонида.

– Ее жизненный опыт, связанный с музыкой, был отрицательным, поэтому она ее и избегала. Но на самом деле ты же понимаешь, что это удача?

– И с чего вдруг такое счастье на нас свалилось?

Соня решила вмешаться.

– Прошу прощения... Так я могу идти домой?

– Разумеется... Но перед этим не могли бы вы описать свои сегодняшние ощущения?

Какие-то конкретные ассоциации у вас возникли?

Серые глаза Голицына смотрели ласково, но с нетерпеливым ожиданием. Шушин демонстративно отвернулся к окну.

– Знаете, я правда устала. Если хотите, могу позже оформить письменный отчет.

Леонид смутился.

– Зачем так себя утруждать? Если реакции нет, ничего страшного. И... завтра вы могли бы еще прийти?

– Разумеется, я буду.
Кивнув, Соня быстро покинула аудиторию.

К счастью, матери дома не было. Бросив шубку и ботики в прихожей, Соня шла через гостиную к большому зеркалу, на ходу расстегивая блузку. Одна из пуговиц отлетела, но Соне было плевать. Рывком вывернув рукава, отшвырнула блузку. Расстегнув юбку, перешагнула через нее. Так же быстро, не жалея волос, выдернула шпильки, избавилась от чулок и белья. Еще шаг, и Соня увидела свое отражение в зеркале. Там стояла светловолосая незнакомка с пунцовыми щеками. В ее глазах словно пылали две электрические дуги из опытов Теслы. Кожа излучала мягкий жемчужный свет, напоминающий о нежном свечении внутри Эвридики.

А еще Соне впервые в жизни хотелось петь...

3

В половине девятого Руссо Балт опять стоял под окнами. Наспех одевшись под подозрительным взглядом матери, Соня слетела вниз по лестнице.

– Как вы себя чувствуете?

Улыбка мешала Соне говорить.

– Знаете, мне начинает казаться, что ваше изобретение полезно не только исполнителям. Я не спала и получаса в эту ночь, и все равно чувствую себя превосходно. Да, и вчера пропела трижды куплет какого-то романса из Нивы. В другое время меня бы вывернуло после первых двух слов. Но... я получила удовольствие, правда!

– Я обязан вас предупредить...

Напряженный тон Голицына Соню удивил. Она была уверена, что они на одной волне, и он также счастлив после пережитого, ведь это он был рядом! Но Леонид, по всей видимости, мучительно подбирал слова.

– Сегодня я планирую прослушать одного человека... Но это может быть опасно. И если вы...

– Аполлон Маевский?

– Откуда вы узнали?

В конце концов, после того, что между ними было, все предыдущие тайны казались не более чем формальностями, через которые необходимо перешагнуть, чтобы идти дальше.

– Я тоже рассказала вам не все. Аполлон Маевский мой отец. Вернее, его настоящее имя – Павел, Аполлон псевдоним, так что я Софья Павловна. После развода мама вернула девичью фамилию, и настояла, чтобы и я стала Весниной. Мы с отцом не общались много лет. Но да, я появилась в вашей лаборатории, чтобы понять, связан ли его дикий поступок с Эвридикой.

Какое-то время Голицын молча рулил.

– И что вы думаете теперь? – спросил он, наконец.

– Думаю, что ваше решение абсолютно правильно. Надо разобраться, прежде чем делать выводы. Но если вы считаете, что мне нельзя доверять...

Голицын вздохнул.

– Я вам верю... Будем искать правду вместе.

В аудитории вполголоса переругивались желтолицый капитан, знакомый Соне по ресторану «Крыша», и Тимофей Шушин. Левая кисть инженера совершала круговые движения, а в повинующейся ей правой вертелось крупное, неправдоподобно алое яблоко.

– Расстояние достаточное. Профессионал справится...

– Может вам, господин капитан, гири на ногах не мешают плавать, и кинжал в зубах петь. Но сталь еще и дает акустические помехи...

– Простите, Тимофей Васильевич, но Василий Андреевич и так пошел на уступки. И я бы на вашем месте оценил подобное снисхождение...

Стальные пальцы протеза задвигались рывками. Несчастный фрукт завертелся быстрее. И в этот момент в аудитории появились Соня с Голицыным.

– Все в порядке?

Голицын сразу ощутил напряжение и кинулся на помощь другу.

– Если не считать, что Маевский будет играть в наручниках, – огрызнулся Шушин. – Люди никогда смычка в руках не держали, им это кажется нормальным.

– Возможно ли создать дополнительное звено, за которое пристегнуть наручник, чтобы расширить амплитуду для правой руки?

Голицын обратился к капитану-месяцу со всей возможной почтительностью.

Вояка был неглуп, и решил ослабить вожжи, протянув Леониду ключ.

– Попробуйте. Я всего лишь пытаюсь соблюдать инструкции. Жду в коридоре.

Желтолицый капитан вразвалочку покинул аудиторию. А Шушин словно только что заметил Софью. Синие глаза вспыхнули отнюдь не дружелюбно.

– Мадемуазель Веснина, какой сюрприз... Вы и сегодня с нами?

И опять Голицын, словно дуэльный секундант, встал между ними.

– Я попросил Софью присутствовать во время замера Маевского, чтобы параллельно отслеживать коррекцию результата. Если у тебя сегодня есть время, мы могли бы сравнить...

Шушин совершил почти неуловимое движение кистью. Алое яблоко взлетело по направлению к Соне. На автомате она поймала фрукт и удивилась, что яблоко оказалось ледяным. Шушин усмехнулся.

– Увы, сегодня никак. Надо быть на заводе. Уверен, все и так получится. Удачи!

Тимофей вышел, не отказав себе в удовольствии хлопнуть дверью. Голицын улыбнулся виновато.

– Прошу прощения...

– Все в порядке. Я уже привыкаю.

Соня, не выдержав, понюхала яблоко. В ее руке оно чуть согрелось и благодарно пахло садами и теплым ветром. А на пульте задребезжал звонок. Голицын схватил наушник.

– Да, Аполлон Павлович... Простите за ситуацию с наручниками... Я уже иду разбираться...

– Можно я с вами?

Аполлон Маевский сидел на стуле, прислонив к плечу виолончель. Правая рука висела, пристегнутая наручником к железной скобе. Музыкант раздраженно вертел запястьем, пытаясь разогнать кровь.

– Почему в матерчатом чехле везли? Выстудили инструмент, безухие...

Голицын торопливо доставал моток проволоки и кусачки.

– Простите, Аполлон Павлович, сейчас попытаемся все наладить... Если пропустить под резонаторы проволоку и закрепить наручник там, у вас будет куда больше пространства для маневра...

Голицын суетился вокруг Маевского, воплощая свой план в жизнь. А Соня получила возможность рассмотреть отца. Подсознательно она ожидала увидеть вздорного старикашку. Но Аполлон был на свой лад даже привлекателен. Седеющие волосы по-прежнему поднимались густой волной, открывая высокий лоб. Белки глаз от недосыпания пронизали красные прожилки, на подбородке алели свежие ссадины, как бывает от бритья посторонним непрофессионалом. Но тонкие пальцы и по-юношески длинная шея придавали облику даже какую-то трогательность. Ключом открыв наручник, Голицын очень осторожно перестегнул его на новое место. Рука Маевского, получив новую степень свободы, почти рухнула на колено.

– Спасибо, князь.

– Если бы это было в моих силах, я бы не допустил...

– Ничего, я и с этой штукой сыграю. Канифоль только принесите...

– Конечно, минуту...

Голицын быстро покинул крохотное помещение. А Маевский повернулся к Соне.

– У тебя волосы не как у матери. В нашу породу. – сказал он спокойно.

Соня вспыхнула.

– Думала, ты меня не узнаешь.

Отец кивнул, продолжая крутить кистью, словно их первая встреча за много лет была чем-то само собой разумеющимся и будничным. Соня осторожно прикрыла дверь Эвридики.

– У тебя хорошие отношения с Леонидом Сергеевичем. Зачем ты в него стрелял?

Маевский пожал плечами.

– Скверный анекдот. Сам Леня чудесный молодой человек, но иного способа не допустить распространения заразы я не видел...

Теперь Маевский вертел колки виолончели.

– Варвары, так обращаться с инструментом... Все расшатали...

Соня вздохнула и прислонилась спиной к дверце.

– Я работаю в газете. Не сомневаюсь, что ты не доверяешь журналистам. Но в данном случае, клянусь, расследование максимально объективное и неза...

Чего Соня никак не ожидала от отца, так это юношеской ловкости. Распрямившись, словно освобожденная часовая пружина, Маевский одной рукой оттолкнул виолончель и одновременно толкнул Соню к внутренней стене машины.

– Что ты творишь?!

– Тихо...

Перегородив путь, Маевский стал оставшейся проволокой заматывать дверь изнутри. И вовремя. Снаружи послышались шаги; вернулся Голицын.

– Леонид Сергеич, мне жаль, но выхода другого не вижу, – крикнул Маевский через дверь. – Хотите увидеть помощницу живой, обеспечьте мне побег!

– Софья?! – голос Голицына заметно дрожал, – как вы?

Соня прижималась спиной к тускло переливающейся чешуе резонаторов.

– Хорошо. Но лучше вам сделать, как он говорит...

Маевский, морщась, пытался просунуть кусачки под наручник, чтобы освободиться. Инструмент соскользнул, чиркнув по запястью, но Аполлон ничего не замечал. Словно зверь в клетке, находящийся в плену однообразных движений, он снова и снова дергал рукой, пытаясь освободиться. На пол уже капала кровь.

– Остановись, слышишь? Успокойся! Стой!

Маевский замер, смотря на Соню настороженно, как тигр на дрессировщика. Проправ пальцы под наручник, Соня просунула туда свой чистый платок. Кадык на шее отца дернулся.

– Папа, послушай... Я на самом деле хочу понять...

– Хочу, хочу... Все чего-то хотят! – взорвался отец. – Вопрос формулировки своих желаний! Думаешь, я хотел всей этой бульварщины? Я недооценил людскую глупость, признаю, и сам повел себя глупо. И теперь они не оставят меня в покое...

– Они?

– Господи, ты правда в газете работаешь? Наивна, как бабочка-однодневка... Военная разведка, кто еще? Забрали меня еще в больнице, прямо из палаты. А я сдуру еще пытался рассказать, как опасна Эвридика. Конечно, придя в себя, заткнулся. Но механизм-то запущен! И теперь я сдохну в спецбольнице, а они заберут машину и отправят на фронт...

– Зачем?

Маевский вздохнул.

– Эвридика дает все, а потом все отбирает. Чтобы вернуть первое ощущение, с голыми руками на танк пойдешь, да еще улыбаться будешь...

Соня не хотела проявлять эмоции. Но недоверчивая усмешка вылезла сама собой.

– Извини, но у меня тоже есть опыт работы с Эвридикой. И ничего плохого я не заметила.

Наоборот, впервые почувствовала себя нормальным человеком.

Глаза отца забегали испуганно.

– Соня, тебе нельзя. Слышишь? Эвридика тебя уничтожит. Отправит обратно в больницу!

Стук в дверь прервал беседу.

– Открывайте. Я все подготовил...

Хотя они пробыли внутри не больше десяти минут, у Сони по возвращению в аудиторию глаза щипало от света. Отец же деловито натягивал пальто Голицына, которое явно было ему коротко.

– Аполлон Павлович, надеюсь, вы осознаете, что ваше бегство не может быть бессрочным. Вас поймут, рано или поздно...

– А я вечно жить не планирую.

Крякнув, Маевский тяжело забрался на подоконник.

– Но если Софью загубите, будет на вашей совести.

– Что вы имеете в виду?

Отец пожал плечами.

– Я думал, вы в курсе, раз ее исследуете.

– Хватит, папа!

Голицын мягко, но решительно отодвинул Соню и кивнул Маевскому, требуя объяснений.

– Врач сказал, это редкая форма амузии, – продолжил Маевский. – Дело дошло до больницы. Если бы вы видели... Кукла, да и только. Не говорит, ни дышит...

Больше терпеть Соня не могла. Проскользнув под локтем Леонида, она двумя руками со всей силы толкнула балансирующего на подоконнике отца.

– Прекрати!

Потеряв равновесие, Маевский полетел вниз. Снег был глубокий, и в другой момент ситуация показалась бы Соне комичной. Но не сейчас, когда серые глаза Голицына пронизывали ее не хуже рентгеновского луча.

– Сколько вы провели в таком состоянии?

– Год.

– И не сочли нужным меня предупредить?

– Слушайте, это было в детстве. Больше это не повторялось. А сейчас, благодаря вашей машине, у меня появилась надежда жить нормально. Поэтому я очень вам благодарна и...

Леонид с грохотом задвинул оконную раму. Опустив шпингалет, повернулся.

– Никаких дальнейших экспериментов не будет, Софья. Ваш отец прав. Это слишком рискованно.

Копыта извозчицкой лошади мерно стучали, и от каждого стука голова все больше болела.

– Остановите!

Соня соскочила напротив аптеки. Может, хоть нюхательные соли помогут прийти в себя. А если не поможет, всегда есть цианид...

У стойки провизора стояла барышня и что-то застенчиво и очень тихо вещала провизору. Пожилой еврей с моноклем в глазу перебил этот шелест.

– Мадемуазель Каган, я знал вашего отца. Это был приличный человек, который, к счастью, уже умер и не может огорчаться из-за проступков дочери. Но в моем заведении, ни в ближайших вы ничего подобного не получите, уверяю вас!

Девушка, покраснев, быстро вышла из аптеки. Секунду помедлив, Соня поспешила следом. Барышня далеко не ушла; стояла на углу, закрывая лицо рукавом изящного пальто. Соня, решившись, подошла.

– Прошу прощения...

Девушка осторожно взглянула на Соню. Не красавица, круглолицая, с еще по-детски пухлыми щеками, теперь еще и красными от стыда и слез.

– Почему бы вам просто не поехать в Рим? Париж? У вас же есть деньги.

Барышня смотрела на Соню ошалело, но потом все-таки улыбнулась.

– Думаете, деньги являются гарантом от всех бед?

– Если бы мне кто-то разбил сердце, но взамен подарил такие вот ботики из нерпы, я бы не отказалась помучаться – абсолютно искренне сказала Соня.

Барышня поколебалась еще секунду, а потом рассмеялась и протянула Соне руку.

– Меня зовут Элла. Элла Каган. Посидим где-нибудь?

Девушки шли по Мясницкой.

– Публичная библиотека Некрасова очень уютная...

Соня вспыхнула от радости, услышав предложение Эллы. Не так-то часто увидишь единомышленницу; ровесницы все больше предпочитали танцы да синема.

– А вы что обычно читаете?

– В основном поэзию – промокая глаза пуховкой, задумалась Элла – Сейчас столько замечательных имен. Но все-таки Володя самый талантливый. Если бы Лили еще не сводила его с ума... Моя сестра всегда получает, что хочет. А заодно забирает все, что хотят другие. Для коллекции...

Элла опять начала всхлипывать. А Соня только сейчас осознала, что обычно многолюдная Мясницкая непривычно тиха и пуста. Ни одного извозчика. Редкие прохожие жмутся к дверям лавок. В лавках окна закрыты ставнями, словно на дворе ночь.

Со стороны Лубянки послышался гул.

– Рабочие! Сегодня же протесты! – охнула Соня.

После волнений прошлого года москвичи были настороже. Но буйства и мародерство «рабочего класса» лишь множились. Теоретически Соня была за равенство и братство, но попасть под ноги озверевшей людской многоножки совсем не хотелось.

– И что нам делать? – растерялась Элла. – Бежать к Сухаревке?

– Нет! Спрячемся в библиотеке. Успеем...

Схватив новую подругу за локоть, Соня решительно двинулась навстречу толпе.

Демонстранты текли плавной рекой. Плакаты над головами качались, словно пена, поднятая шаловливым бризом. Но позади показались лошадиные морды. Конная полиция прорывалась вперед, пытаясь расчленивать толпу. Люди и лошади рванули вперед, словно соревнуясь в скорости. Элла вцепилась в руку Сони. Девушки свернули в переулок, но навстречу вывернулась еще одна вороная вспененная лошадь.

– Марксистки? А ну стоять!

Второй полицейский спешил на помощь, перерезая дорогу.

– В особый их, пусть там разбираются!

Особый отдел полиции в Кривоколенном уже был переполнен. Вокруг стонали, визжали и ругались. Эллу с Соней поставили перед пожилым урядником, записывающим данные в книгу.

– Революционерки? Сочувствующие?

– Никакие мы не революционерки! – вспыхнула Элла. – Мой отец был юристом, я знаю свои права!

– А я журналист, из Московского вестника!

– Разберемся... Грамотные все стали...

Сквозь толпу пробирались двое военных, расчищая дорогу для сухощавого пожилого господина в очках с тонкой золотой оправой и аккуратно подстриженными усами. Золотые генеральские погоны ясно давали понять, кто здесь главный.

– Василий Андреевич, вот еще двое... Говорят, из газеты.

– Прошу! – решительно перебила Соня. – Очень прошу разобраться в причинах нашего ареста!

Генерал остановился с видимой неохотой.

– Прошу прощения я не уполномочен. Я здесь по особому вопросу...

– Фамилия ваша? – кивнул урядник.

– Софья. Софья Веснина.

На этот раз Соне показалось, что глаза за стеклами генеральских очков блеснули интересом.

– Веснина? Голубчик, я эту девушку забираю. Дайте ключи от свободного кабинета...

Да, вторую можно отпустить...

– Секунду! Вы же сами сказали, что не уполномочены! – взвилась Элла.

Элла вскочила, готовая защищать подругу. Но спутники генерала уже склонились над ней.

– Барышня, позвольте, мы вас до дома доставим.

– Я никуда без Софьи не поеду!

– Все нормально, Элла. Может, его превосходительство желает получить интервью...

Губы Сони дрожали, но она улыбнулась ободряюще. Элла быстро писала в блокноте, вытаскивая из кармана шубки.

– Прошу, позвони, когда все закончится...

Сбросив шинель на кресло, генерал подбородком указал на стул напротив.

– Мадемуазель Веснина, рад встрече и возможности поговорить. Позвольте представиться. Шушин, Василий Андреевич.

Теперь Соня поняла, почему ей кажется таким знакомым взгляд из-под очков в золотой оправе, пронзительный и крайне неудобный. Тимофей Шушин явно в этом отношении пошел в отца. Украдкой Соня сжала ладони под столом, привычно пытаясь успокоиться. Сукно на столе – зеленый коленкор. Таким же обивают бильярдные столы. Самый маленький стол для пирамиды 6 футов, самый большой 12...

– Мы знаем, что вы дочь Аполлона Маевского. И в связи с происшедшим...

– Но тогда вы знаете, что я не видела отца с детства – перебила Соня.

– И тем не менее вы появились в лаборатории Леонида Голицына сразу после визита в ресторан «Крыша», где допрашивали персонал. Не могу не рассматривать это иначе как продуманную стратегию...

– Я хотела узнать, что произошло. Это тема моей статьи.

– Вот и просветите меня – блеснул очками старший Шушин.

– Безумие вашего отца меня меньше интересует, чем ваши впечатления от изобретения Леонида Голицына.

Если они действительно верят, что Эвридика способна поднять уставшие и вымотанные русские войска, подобно волшебной палочке... Стараясь казаться равнодушной, Соня пожала плечами.

– Для меня эффекта не было. Я не ученый и не музыкант. Возможно, для преодоления стресса публичных выступлений машина полезна. Но это настолько узкое применение...

– Врать вы не умеете – спокойно констатировал Шушин. – Расскажите правду...

Наступила тишина. Соня пыталась игнорировать холодный взгляд генерала, сосредоточившись на фактах. Соотношение длины и ширины бильярдного стола 1:2. Высота – 800-820 мм...

Старший Шушин подошел к двери. Ждавший за ней военный вытянулся.

– Похоже, мадемуазель Веснина останется здесь на ночь... Есть места в общей камере?

– Очень сомневаюсь, что она останется!

Отгеснив адъютанта, в кабинет ворвался Тимофей Шушин, встрепанный и злой.

– Ты не имеешь никакого права задерживать нашу сотрудницу.

– Она дочь Маевского, ты в курсе?

Взгляд Тимофея на секунду пронзил Соню. Но соображал он быстро.

– Поэтому ее и наняли. Хотели проверить, влияет ли наследственный фактор.

– И как результат?

– Увы. На детях гениев природа, как правило, отдыхает. Взять хотя бы нашу семью. Ты, в отличие от меня, человек прогрессивных взглядов, гуманист. Знаком с чувством ответственности, бережешь репутацию. И уж точно не позволишь себе беспричинно преследовать юных журналисток...

Секунду отец и сын смотрели друг на друга. Наконец, старший Шушин кивнул Соне.

– Что ж. Если что-то узнаете о местоположении вашего отца...

– Разумеется, она скажет – перебил Шушин. – Идемте, я отвезу вас домой...

Руссо Балт двигался резче и быстрее, то и дело виляя, поскольку Тимофей вел машину фактически одной рукой.

– Почему Леня вас уволил? Из-за папашиного побега? И яблоко не съели...

Ирония в голосе Шушина придала Соне сил.

– Если вы напители его ядом, придется делать все заново.

Тимофей хмыкнул.

– Кстати, спасибо за мужество в полемике. Полностью согласен, правду об Эвридике отцу знать не следует. Он мыслит, как военный, утилитарно. И высоких материй не поймет.

– Откуда вы знаете, что я думаю иначе? – огрызнулась Соня.

– Я присутствовал на опыте, и видел ваши... эмоции.

Соня вскинула подбородок, готовясь защищаться.

– Эмоции не управляют миром. Вам, как ученому, неплохо бы об этом помнить.

Шушин кивнул примирительно.

– Все-все, в чужую голову не лезу. Но все-таки, о чувствах и разуме. Может, и хорошо, что ваши опыты с Леной прекратятся. Он скоро женится на моей сестре...

Ну конечно! Он спас ее не только для того, чтобы позлить отца. А еще вонзить очередную шпильку, да что там – длиннющую острую спицу прямо в сердце! В отчаянии, почти не соображая, что делает, Соня дернула на себя ручку двери.

– Стойте, мало вам приключений? Сумасшедшая! Я довезу!

Руссо Балт, завизжав тормозами в мокром снегу, остановился, почти перегородив улицу.

– Слушайте, Софья, я правда на вашей стороне. Просто хотел избавить от иллюзий...

– Всего хорошего!

Соня решительно зашагала пешком. Снегопад разыгрался, снег доставал уже до щиколоток. Ботинки пропитались ледяной кашей, но Соня не чувствовала холода, пылая от стыда и обиды. Неужели она вела себя настолько глупо, что все было видно со стороны? И осознал ли

ее чувства Леонид Голицын? А еще Соне смертельно хотелось вернуться в аудиторию и снова пережить то, что могла дать только Эвридика.

Уверенность. Любовь. И живой трепещущий пульс того, кто всегда будет рядом...

– В этот раз пешком? Что так?

Соня молча стянула мокрые насквозь боты и прошла на кухню. У матери с дочерью была негласная договоренность: Соня ест по вечерам, но не на глазах Ксении, которая воспринимала это как личное оскорбление. И сейчас старшая Веснина изумленно наблюдала, как Соня открывает буфет и, вытащив банку малинового варенья, даже как-то вальяжно опускает туда сушку.

– Я бы на твоём месте подумала о фигуре – не выдержала Ксения. – Молодые люди могут сколько угодно думать, что им нравится характер, вкус или душа. Но реально все решает объем талии по отношению к бедрам. Кстати, надеюсь, твой ухажер ничего не знает о твоём прошлом. Проблема может быть наследственной. Никто не захочет детей от...

Что-то оборвалось в груди Сони. Она сама не ожидала, что из груди могут вырваться столь злые и громкие слова.

– Ты сама ничего не знаешь, неудачница! У тебя было все: талант, красота... Но ты ничем не можешь воспользоваться! Не смей меня учить!

Лицо Ксении стало похоже на гипсовую маску. Мать молча вышла из комнаты. Сердце Сони разрывалось. Так хотелось побежать за Ксенией, попросить прощения и восстановить привычный баланс. Но и потерять новую, обретенную степень свободы, было страшней...

Выйдя на улицу и вдохнув влажный тепельный воздух, Соня дышала глубоко и часто, словно испытывала недостаток в кислороде. Надо что-то делать. Просить Голицына, умолять – что угодно, лишь бы вернуться в Эвридику. А еще решить, где сегодня ночевать...

– В этой мастерской Володя живет, когда приезжает в Москву. Но пока они с Лилей в Петербурге, так что помещение в твоём полном распоряжении...

Элла с Соней свернули в Большой Гнезниковский.

– Квартира в доме Нирнзее? – не выдержала Соня.

– Ты что-то имеешь против дома холостяков?

– Нет – улыбнулась Соня. – Просто странно, что в последнее время я так или иначе оказываюсь рядом...

В мастерской была всего одна комната, зато с угловым светом и большими окнами. Узкий диван, трюмо, стол – пожалуй, все, что Соня могла опознать, поскольку вся мебель была закрыта белой бязью. Остальные белые холмики, очевидно, таили внутри реквизит и инструменты художника.

– Володя очень боится ран и грязи. Белый цвет его успокаивает, видимо, ассоциируется со стерильностью. Можешь пользоваться все, только накрывай сверху.

Соня обняла новую подругу.

– Спасибо тебе!

На узком диванчике Соня долго вертелась, пока, наконец, не закрыла глаза и не вышла в странное белое пространство. Внутри оказалось много людей. Они стояли вытянувшись, с закрытыми глазами, напоминая странную, безветренную рошу. И правда, догадалась Соня, эти люди живут как деревья, очень медленно. Лето для них – день, зима – ночь, кровь толкается в жилах со скоростью тающего на февральском солнце льда.

– Они выпали из человеческого темпа. – сообщил Соне странно знакомый голос. – И очень скоро, когда выйдут последние соки, ты к ним присоединишься...

Соня проснулась на мокрой насквозь подушке, мутно оглядываясь вокруг.

Напротив чернело трюмо. Девушка внутри зеркала слегка косила спросонья. Да это же она сама, ее собственное отражение! Но перламутровый свет, исходящий от кожи и волос еще утром, померк. Кожа на глазах покрывалась трещинами, словно на старинных полотнах, волосы потускнели. Отражение усмехнулось, обнажив желтые старческие клыки. На этот раз Соня узнала свой собственный голос.

– С возвращением, Библиосоня. Скоро опять станешь засохшей, жухлой, никому не нужной розочкой...

Соня подскочила в кровати, на этот раз проснувшись окончательно. Половина пятого. Ничего, погуляю по улице, все равно оттепель...

Подойдя к физическому факультету, Соня заметила нечто темное и сжавшееся на ступеньках. Кто-то дремал, прислонившись к боковой колонне. Беспризорник? Соня потрясла паренька за плечо.

– Замерзнешь!

Мальчик открыл глаза. Это был Иван Пегов.

– Я из дома сбежал – сказал он почти равнодушно.

– Но почему? К тебе плохо относятся?

Иван зевнул и помотал головой.

– Хочу снова в машину...

4

Сторож, пожалев бедолаг, запустил Соню с мальчиком в аудиторию, не дожидаясь прихода Голицына. Закутанный в Сонин полушубок, Иван, сонно моргая, наблюдал, как Соня заваривает чай.

– Ты тоже Бога слышала?

Соня старалась сдержать дрожь в руках. Она чувствовала себя, словно голодный у витрины гастрономической лавки. А если Голицын больше никогда не подпустит ее к Эвридике?

– Пей, согреешься...

Глаза Ивана, окруженные темными кругами, были по детски-внимательны.

– Можно попробовать, пока Леонид Сергеевич не пришел.

– Нет. Ваня, исключено. И потом, я не специалист...

– Он все записи вон там держит, в столе.

В конце концов, она просто посмотрит, что тут такого?

Соня открыла ящик. Внутри действительно оказались обернутые в колени пухлые тетради. Отхлебывая чай и закусывая кусочком сахара, она пробежала страницу за страницей. Шнуры в шлемах, судя по схеме, ведут к определенным зонам мозга. Височные доли, мозолистое тело, лобная доля. Шлемы крепятся к общему пульту, включаются электрические резонаторы, плюс на каждую зону свой датчик...

– Да здесь все уже подключено...

Иван со шлемом в руках возле пульта торжествующе демонстрировал сплетение проводов. Видимо, Голицын все подготовил к сеансу с Маевским, и оставил как есть.

Соня вздохнула.

– Точно не боишься?

Иван покачал головой.

– Ты же не боишься...

И, заранее зная ответ, мальчик направился в комнату с машиной.

Проверив все крепления и сверив с записями в тетрадке, Соня вернулась к основному пульту. Сердце билось как бешеное. Сдерживая себя, она намеренно отчитала до пяти, и только потом дернула тублер, включая реле.

В спешке Соня забыла отключить звук, и в уши ворвался чистый, чуть хриловатый голос мальчика.

Царства моя, Царства, небесная Царства

Сторонушка вышняя, про тебя нам слышно
Надобно молиться за время за ране

За время за ране Богу всех живому

Богу всех живому, агнецу святому...

Соня словно очутилась посреди бесконечной изумрудной глади. Плотный шелк воды доходил чуть ниже колен, охлаждая и успокаивая, но одновременно хотелось бОльшего.

Мысленно она обеими руками дотронулась до дна, с наслаждением раздвинула пальцами белоснежный бликующий песок. Опустилась на колени, погружаясь грудью, животом, промежностью. Окунула пылающее лицо и открыла под водой глаза, смеясь от восторга. Из рта шли пузыри, но хотелось напитать живительной субстанцией поры, кровь, волосы, сердце. Она была сосудом, готовым принять все без остатка. И когда накатила Волна, задыхаясь в нахлынувшей пене, пошла на дно с радостью. Но откуда эти мутные красные капли, оседающие в воде? Жидкость мутнела на глазах. Кажется, стерильность среды утрачивается. Кто-то боится крови... И вряд ли теперь это можно безопасно пить...

Усилием воли Соня заставила руки подняться и сдернула шлем. Перед глазами все еще плыли круги. Но голоса мальчика не было слышно.

– Ваня?!

Шатаясь, Соня вернулась в комнату с машиной и распахнула дверцу. Мальчик обмяк на стуле. Из носа капала кровь. Мутные капли на жемчужном полу.

– Вы еще и улыбаетесь?

В голосе Голицына звенела с трудом сдерживаемая ярость. Но Соня и такую реакцию сейчас воспринимала с радостью. Ей полагалось сходить с ума от чувства вины, а она, вопреки всем этическим нормам и логике, была счастлива. Небывалое чувство полноты распирало изнутри; хотелось смеяться. Или поспать. Или обнять весь мир...

– Как вообще вам пришло в голову использовать мальчика?

– Я сам захотел...

Иван зашевелился на составленных наспех стульях.

– Не надо врача. Я могу дальше петь...

Дверь открылась. Но вместо доктора в аудиторию вошли военные. Уже знакомый Соне капитан-месяц изумленно на нее покосился. Соне не нужно было зеркальце, чтобы понять, что сейчас она сияет волшебным отраженным перламутром Эвридики. Для всех, кроме разве что, Леонида Голицына.

– Леонид Сергеич, когда паковать будем?

– Сегодня начнем. Как только с мальчиком решим...

– Я хочу петь! – всхлипнул Иван.

Она даст тебе все, и все отнимет... Слова отца всплыли в Сониной голове, взорвав, наконец, благостную неуязвимость. Какая же она дура. Дура и эгоистка!

– Машину отправят на фронт?

Голицын, хоть и зло, но все же снизошел до ответа Соне.

– Пока нет. Генерал Шущин выделил нам лабораторию на военном заводе. Там больше возможностей для исследований.

– Вам не кажется, что военные просто вас используют, чтобы отнять Эвридику?

– Я сам попросил Василия Андреевича о содействии. Думаю, что на этом мой отчет вам закончен.

– Возьмите меня на опыты, я хорошо себя чувствую!

– Иван!

Соня схватила мальчика за плечо.

– Я знаю, тебе тяжело. Но поверь, нет там Бога, один соблазн... Мы с тобой оба зря это начали...

– Пусти!

Мальчик вырвался и выбежал из аудитории. Голицын молча протянул Соне его полушубок.

– Вам обоим лучше больше сюда не приходите...

У Хорошевича было превосходное настроение.

– Милочка, ну что вы так расстроены? Если о злых военных все правда, то очень нам на руку. И князек ваш вполне себе монстром вырисовывается...

– Голицын здесь ни при чем! – вспыхнула Соня. – Уверена, его используют, апеллируя к самым высоким помыслам...

– Да вы не влюбились часом, матушка, раз так его защищаете?

Главред полушутя погрозил пальцем.

– Выглядите, кстати, превосходно. Румянец и кожа на удивление. Может, порекомендовать вас в рекламу? Ко мне тут обращался один...

Зазвонил телефон. Хорошевич, пыхтя неизменной трубкой, забурчал недовольно

– Батенька, мы независимый орган... Государственные интересы, и что?

Лицо главреда понемногу вытягивалось. Соня ждала, уже понимая, что ничего хорошего не услышит. Наконец повесив трубку, Хорошевич рукавом вытер лоб.

– На ловца и зверь, как говорится... Звонили из Генштаба. Рекомендовали оставить.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Если вам хочется громкий материал, переключитесь вон Распутина. Что он делает в Москве?

– Но...

Соня искренне растерялась.

– Речь ведь идет о возможном оружии. Об эскалации войны, об использовании человеческой психики...

– Поэтому переключаемся на Распутина. Таинственный визит, старец на удивление тихо себя ведет, даже в Яре не буянит. Наверняка есть причина. И тоже первая полоса, вполне себе...

– Знаете что... Пусть Синица вам пишет!

Открыв ключом дверь мастерской, Соня услышала смех и голоса.

– ...Если меня не схватит ангина, буду премного благодарна тебе, Лили.

– А ты добавь коньяку побольше...

– Может, льду поменьше?

– Володь, ты открыл?

Вместо ответа раздался хлопок. Здоровяк в английском костюме, одетый, пожалуй, даже слишком щеголевато, словно манекен на Кузнецком, помахал штопором с надетой сверху пробкой.

Хрупкая рыжеволосая девушка, в балетной пачке, надетой поверх вязаного теплого платья, ставила на стол керамический кувшин «под античность».

– Секунду, секунду... я проверю... – замахал руками щеголь Володя.

– Вымыто три раза!

Рыжая со снисходительной усмешкой наблюдала, как гигант осторожно водит пальцем внутри кувшина.

– Давай-ка, затопим микробов...

Вырвав бутылку, рыжая решительно вылила ее в кувшин.

– Элла, таши ложку...

– Добрый вечер...

Элла, резавшая яблоки, заметила Соню и радостно вспыхнула.

– Соня, ты как раз вовремя! Лиля с Володей приехали!

– Та самая Сонечка. Очень приятно.

Девушка в балетной пачке сделала что-то вроде книксена. А здоровяк уже шел навстречу Соне, вытирая на ходу руки белоснежным платком.

– У вас кожа, как у фарфоровой куклы. Вы не с витрины сбежали?

Соня вяло пожала плечами. Теперь напоминание о эффекте Эвридики скорее раздражало ее, чем радовало.

– Соня, будешь крющон?

– Не знаю. Честно говоря, думала, что это летний напиток.

– Предрассудки! – авторитетно забасил Володя. – В любой сезон нет лучше вина. Знаете, у Пушкина был младший брат, Лева. Так он всю жизнь пил исключительно вино, воды боялся во всех видах, включая бульон. Так вот, как-то в гостиной Лев Сергеевич почувствовал себя нехорошо. И дамы закричали – воды, воды! Так он от одного слова вскочил, так напугался...

Рыжая девушка уже налила себе и закурилась по мастерской на полупальцах, сжимая стакан.

– Володя, давай включим музыку!

– Нет-нет... – запротестовал здоровяк. – И так голова болит.

– Вот зануда... Тогда стихи читай!

Элла протянула Соне запотевший стакан и шепнула.

– Попроси его, он гениальный поэт...

Володя отхлебнул из стакана, но замер.

– А лед из магазина доставили?

– Из аптеки! – засуетилась Элла. – Все в порядке, лед абсолютно стерилен, из проверенной воды... И вообще, речь шла о стихах!

– Да-да... Вы сама-то кого любите, София перламутровая?

– Только не Есенина с его лапотниками...

Рыжая, сделав очередной пируэт, остановилась у трюмо и подняла ногу назад, позируя собственному отражению в зеркале.

– Обычно барышни предпочитают Гумилева. Ну или Ахматову... или, не дай Бог, Кузмина!

– К сожалению, я никого из них не знаю.

Все трое обернулись с искренним изумлением, словно на дикарку, только покинувшую джунгли. Сама того не желая, Соня начала заводиться.

– Мир не ограничивается поэзией. Я достаточно много читаю, но в основном научную литературу.

– И что же вам интересно? Физика? Биология? Мифология?

Похоже, рыжая Лили была довольна, что Софья разочаровала гиганта.

– Соня журналист! – вступилась Элла за подругу. – И много в чем разбирается.

– Тогда объясните, мадемуазель, как ученая неучу, – вступил Володя. – Прошлым летом работал я в грозу. Знаете момент, когда дождь еще не начался, и свет такой театральный? И очень сильный ветер... Мне всегда кажется, что реальность может измениться в эти минуты... И пишется легко. Ритм чувствуется... В общем, я работал, пока носом не закачалось нечто...

– Шаровая молния не такое уж и нечто – перебила рыжая

– Ты там не была, Лилечка, и не можешь судить... В общем, размером не больше яблока, но силища... Думаю, не то что меня – полгорода на атомы расплющит. Если бы суметь использовать эту энергию, впустить в себя, наполнить кровь... Вот как думаете – позволит ли наука в ближайшее время подобные чудеса?

– Даже если позволит, вряд ли это излечит тебя от страха микробов – хмыкнула рыжая, – они тоже станут сильнее под воздействием чудо силы...

Гигант осекся и побагровел, словно его застали за чем-то неприличным. Соне даже стало его жаль. Под внешностью грузноватого щеголя прятался неуверенный в себе ребенок. А разве она сама лучше? Воровством набралась энергии, словно кошка вершок сметаны слизнула...

– Мне кажется, нужно учиться черпать силу в том, что нам доступно, – тихо сказала она. – И, наверное, в вашем случае это поэзия. Вы могли бы что-то прочесть?

Элла благодарна захлопала.

– Да, Володя, почитай, прошу!

Поставив стакан, Володя вышел на середину комнаты, отбросил чуб со лба и начал, тяжелым, увесистым баритоном.

– Я люблю смотреть, как умирают дети

Вы прибоем смеха мгlistый вал заметили

за тоски хоботом?

А я —

в читальне улиц —

так часто перелистывал гроба том...

Это были последние слова, смысл которых Соня успела ощутить. Сразу после она будто очутилась в центре огромной воронки – серой и твердой, как цемент, но при этом бешено вращающейся. Самум, песчаный смерч, о котором Соня знала только из книг, а теперь, казалось, могла дотронуться рукой до бешено крутящихся частиц. Володя же продолжал читать, никого и ничего не слыша.

Время!

Хоть ты, хромой богомаз,

лик намалюй мой

в божницу уродца века!

Я одинок, как последний глаз

у идущего к слепым человека...

Смерч схлынул, словно и не было. Так это просто солнце играет пылинками...

Соня увидела себя пятилетнюю. Девочка, в клетчатом платье с фестончиками играет под брюхом рояля. Чья-то нога нажимает педаль. Струны гудят, львиные ножки-лапы чуть подпрыгивают. Девочке весело, но ее улыбка кажется нарисованной, словно из цветной иллюстрации к приложению Нивы. А потом рояль стал еще более отполированным и многогранным. Так это кристалл – догадалась Соня. – Кристалл времени! Тошноты не было, головной боли тоже. Только пустота, в которой притаилось пламя. Пламя таинственным образом дружило с водой, а вода поменяла форму, стала стеклом. Обычным людям так кажется, потому что время ненадолго встало. Но оно снова потечет, и можно будет жить внутри. И стать подобной Богам.

Соня улыбалась, уносимая прозрачной рекой.

Белая ткань слепила глаза, словно в мастерской прибавилось света. Воздух казался разреженным, стало совсем тихо. Соня читала, что в космосе звуки не могут распространяться. Может, она обогнала звук? Смешно... От смеха изо рта вылетели пузырьки, словно Соня находилась в прозрачной субстанции, вроде киселя. И тут появились эти двое.

Женщина в странных синих брюках, похожих на военные ботинках, с узором-татуировкой на худющем предплечье. Следующий следом парень с азиатским разрезом глаз держал в руках нечто, похоже на светящийся лист бумаги.

– Привет. Я Кора...

Рот женщины не раскрывался, но Соня слышала ее низкий, чувственный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.